

В. А. БОЛДИН

А. Л. ПОГОДИН О ЕДИНСТВЕ «СЛАВЯНСКИХ МИРОВ»¹

A. L. POGODIN ON THE UNITY OF THE “SLAVIC WORLDS”

Slavs represent one of the largest ethnic and linguistic groups, as well as a unique “world” with their own geographical, cultural, and civilizational boundaries. Throughout history, scholars and intellectuals from Slavic countries have sought to unite this “world,” both culturally and politically, through the idea of Pan-Slavism. This idea has taken various forms and has been interpreted in different ways, depending on the period and the individuals promoting it. The idea of a “Slavic World” unity has been present since ancient times and is deeply rooted in the consciousness of Slavic people. The origins of the Pan-Slavism idea can be traced back to the works of Juraj Križanić (around 1618–1683), a Croatian philosopher and theologian. The Pan-Slavism idea reached its peak during the rise of national movements among Slavic people in the 18th–19th centuries and the phenomenon of “National revival.” Pan-Slavism can be considered a manifestation of macro-nationalism in Europe, and its emergence among Western Slavs is primarily driven by internal political factors. Interest in consolidating the Slavic world began to revive at the beginning of the 20th century. Due to political and economic factors, Pan-Slavism became a cultural and economic movement in the early part of the 20th century. Alexander Pogodin, a Russian historian (1872–1947), was a key figure in this movement. Through his writings, Pogodin sought to redefine Pan-Slavism in order to make it relevant for his times and free from old “Slavophile ideas.”

Keywords: Pan-Slavism, Neo-Slavism, Alexander Pogodin, macro-nationalism, Pan-Ideologies

Vladimir A. Boldin – PhD in Political Science, Research fellow, Autonomous non-profit organization Institute for Interdisciplinary Research of Science and Education; Assistant professor, Lomonosov Moscow State University. Email: boldin.v.a@gmail.com. ORCID: 0000-0003-0681-098X

1 The study was supported by the Russian Science Foundation. Grant No 24–18–00349 “Ideas on the world and the universe in the historical context and socio-cultural development of European society”

Citation: V. A. BOLDIN, “A. L. Pogodin o edinстве «slavianskikh mirov» [A. L. Pogodin on the Unity of the “Slavic Worlds”], RussianStudiesHu 6, no. 2 (2024): 63–79. DOI: 10.38210/RUSTUDH.2024.6.15

ГНОСЕОЛОГИЧЕСКИЕ КОРНИ ПАНСЛАВИЗМА В РАКУРСЕ СОВРЕМЕННОГО НАУЧНОГО ЗНАНИЯ

Славяне представляют собой не только одну из крупнейших этноязыковых общностей, но и формируют особый «мир», со своими географическими, культурными и цивилизационными границами. На протяжении истории интеллектуалы славянских стран задумывались об объединении этого «мира», как в культурном, так и в политическом плане. В историографии теория всеславянского единения получила название «панславизм», который в зависимости от эпохи и народа, принимал определенные своеобразные оттенки и формы.

Наполнение термина «панславизм», безусловно, является дискуссионным². В отечественной и зарубежной историографии идет длительная дискуссия о том, что считать «истинным» панславизмом, где и когда появился этот идейно-теоретический комплекс, является ли он инструментом экспансионистских устремлений или наоборот, средством культурного возрождения³.

Гносеологические и исторические корни идеи панславизма восходят к творчеству хорватского мыслителя и богослова XVII в. Ю. Крижанича (ок. 1618–1683), изобретателя грамматики и лексического состава общеславянского языка⁴, видевшего в нем средство объединения всех

2 В качестве рабочего мы будем придерживаться следующего определения панславизма как идейно-теоретического комплекса: «Идейно-теоретический комплекс панславизма включал разнообразные доктрины, теории, концепции и идеи, во главу угла которых была поставлена задача взаимного сотрудничества и единства действий в культурном и / или политическом отношениях родственных (по крови, языку, религии, бытовой культуре, исторической памяти, территории) славянских и близких им народов и народностей». А. А. Ширинянец, *Русский хранитель: политический консерватизм М. П. Погодина* (Москва: Русский миръ, 2008), 75.

3 Обозначим лишь основные векторы данной дискуссии: MIKHAIL SUSLOV, MAREK ČEJKA, VLADIMIR ĐORĐEVIĆ (eds.), *Pan-Slavism and Slavophilia in Contemporary Central and Eastern Europe: Origins, Manifestations and Functions* (Palgrave Macmillan, 2023); О. В. ПАВЛЕНКО, *Панславизм: реальный и воображаемый: 1830-1860-е гг.* (Москва: РГГУ, 2023); Л. Ф. КАЦИС, М. И. ОДЕССКИЙ, «Славянская взаимность». *Модель и топика* (Москва: Regnum, 2011); М. В. ЛЕСКИНЕН, «Славянское единство: от лингво-культурной классификации к политической мифологизации», *Славяноведение*, no. 6 (2013): 52–61; JOACHIM DIEB, “Russian Pan-Slavism and its Concept of Europe”, in *L’Europa dei nazionalisti: prospettive storiche* (Milano: FrancoAngeli, 2020), 113–124. и т.д.

4 ALEXANDER MAXWELL, “Glottonyms, Anachronism and Ambiguity in Scholarly Depictions of Juraj Križanić / Юрий Крижанич”, *Slavonic and East European Review* 98, no. 2 (2020): 201–234.

славян⁵. Безусловно, представления о единстве славянского «мира» существовало и ранее и было укоренено в самосознании славянских народов. Об этом свидетельствуют как дошедшие до нас литературные памятники (например, «Повесть временных лет» или «Хронограф» 1512 г.), так и современные исторические исследования, которые показывают, что первоначально этноним «славянин» было самоназванием и способом самоидентификации, и им могли себя идентифицировать даже представители различных языковых групп, т.е. славянская идентичность изначально могла базироваться не на лингвистическом факторе, а на культурном, в широком смысле этого слова⁶.

Как пишет А. И. Филюшкин: «Идея славянского единства получает взрывообразное развитие в конце XVIII–XIX вв. в связи с ростом национально-освободительного движения. К этому времени большинство славян оказалось в составе той или иной империи, и лозунг славянского единения воспринимался как программа прекрасного будущего свободных братских народов»⁷. В целом, с данным выводом можно согласиться. При этом, важно подчеркнуть, что в это время идеи панславизма появляются прежде всего в среде западных славян и обычно их связывают с творчеством славянских «будителей» XVIII–XIX вв. Я. Геркеля, Я. Коллара, П. Шафарика⁸. И как пишет первый российский исследователь панславизма А. Н. Пыпин, Россия «вовсе неповин-

5 Однако и фигура Крижанича как первого оформителя идеи о единстве славян не является консенсусной в современном научном сообществе. Среди тех, кто видел в Крижаниче родоначальника панславизма можно назвать как дореволюционных российских историков (П. А. Бессонова, И. П. Рогановича, А. Н. Пыпина), так и их более современных российских и зарубежных коллег (В. И. Колосова, П. Эберхардта, Г. Кона). Среди противников этой точки зрения — А. Л. Гольдберга, Б. Д. Дацюка, В. М. Дианову и др. В. А. Болдин, А. Б. СТРАХОВ, «Национальное vs общеславянское в русских источниках XVII века», *Диалог со временем*, no. 71 (2020): 183.

6 А. Л. ГОЛЬДБЕРГ, «Идея славянского единства» в сочинениях Юрия Крижанича», в *Труды Отдела древнерусской литературы*, Т. XIX. (Москва – Ленинград: Изд-во АН СССР, 1963), 374–375; С. А. Иванов, «“В тени Юстиниановых крепостей”? Ф. Курта и парадоксы раннеславянской этничности», *Studia slavica et balcanica petropolitana*, no. 2 (2008): 11.

7 А. И. Филюшкин, «“Мобилизация Средневековья” как инструмент формирования представлений о славянском единстве», *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*, no. 2 (2017): 33.

8 М. А. Маслин, «Николай Данилевский: между славянофильством и панславизмом», *Философский журнал*, Т. 16. no. 4 (2023): 5–18; О. В. Павленко, «Панславизм и его модели», *Новая и новейшая история*, no. 5 (2016): 3–15.

на в его возникновении»⁹. Большое влияние на формирование идеи о единстве славян оказала немецкая идеалистическая философия, прежде всего интеллектуальная рецепция и творческое осмысление взглядов И. Г. Гердера, Ф. Шеллинга, Г. В. Ф. Гегеля¹⁰. Под ее влиянием, в попытках «удревнить» славянскую историю, романтизировать ее, противопоставив ее немецкой («европейской»), деятели «славянского Возрождения» открыли «славян» заново, сформировав чувство славянской самоидентификации у тех, кто таковыми себя мог до этого и не осознавать¹¹.

Появление идеологии панславизма в среде западных славян было обусловлено прежде всего внутривосточными процессами, происходящими в славянских странах, и было призвано консолидировать разрозненное «славянское племя», дав идеологический ответ на угрозы культурной ассимиляции и потерю национальной идентичности. Как и иные пан-идеологии, панславизм, будучи проявлением макронационализма¹², решал четкие идеологические задачи. Однако, не являясь по своей природе гомогенным явлением, в каждой славянской стране он получил особенное развитие, а его идеологи сформировали собственные уникальные модели и вариации славянской идеи (иллиризм, австрославизм, югославизм, имперский панславизм и т.п.)¹³.

9 См.: А. Н. Пыпин, *Панславизм в прошлом и настоящем* (Санкт-Петербург: Книгоиздательство «Колос», 1913): 73–76.

10 В. А. Болдин, *Панславистские политические концепции: генезис и эволюция* (Москва: Аквилон, 2018): 160; А. А. Ширинянц, А. В. Мырикова, *Введение к исследованию истории и идеологии панславизма XIX века* (Москва: Издательство Московского университета, 2010): 14; Б. А. Прокудин, *Панславизм в истории политики и мысли России XIX века* (Москва: Издательство Московского университета, 2018): 20; А. А. Тесля, «Русский панславизм: от культурного к политическому и обратно», *Философия. Журнал Высшей школы экономики*, Т. 11. no. 2 (2018): 183; Анджей Валицкий, *В кругу консервативной утопии. Структура и метаморфозы русского славянофильства* (Москва: Новое литературное обозрение, 2019).

11 Например, подробное исследование механизмов конструирования словацкой нации в самосознании крестьянского населения Венгрии было предпринято историком А. Максвеллом: ALEXANDER MAXWELL, *Choosing Slovakia: Slavic Hungary, the Czechoslovak Language and Accidental Nationalism* (London: I.B. Tauris, 2009).

12 ALEXANDER MAXWELL (ed.), *Pan-Nationalism as a Category in Theory and Practice* (Routledge, 2023); LOUIS LEO SNYDER, *Macro-Nationalisms: A History of the Pan-Movements* (London: Greenwood Press, 1984): 17–65; LOUIS LEO SNYDER, *Encyclopedia of Nationalism* (New-York: St. James Press, 1990): 209.

13 См. например: О. В. Павленко, «Панславизм и его модели», 3–15; ПРЕДРАГ ПИППЕР, «Словенство и современе свет» в *Зборник Матице српске за славистику*. no. 100 (Нови-Сад: Матица српска, 2021), 15–42. и др.

Тем не менее, ключевым принципом идеологических построений панславистов была идея о наличии неких единых констант, присущих славянским народам, что и обеспечивает их духовное, а в перспективе и политическое единство.

СЛАВЯНСКАЯ ИДЕЯ НА РУБЕЖЕ XIX–XX ВВ.

В контексте нашего исследования, представляет интерес разобраться в том, в каком состоянии славянская идея пребывала на рубеже XIX–XX вв. С одной стороны, после неудовлетворительных итогов Берлинского конгресса (1878), славянская идея пребывала в определенном упадке, а политические реалии поставили крест на планах и мечтаниях панславистов относительно полного освобождения южных славян.

Однако уже к концу столетия исторические события в Европе вновь поставили на повестку дня «славянский вопрос». Возрождение интереса к идеологии панславизма было обусловлено рядом факторов, одним из которых стало зарождение новых капиталистических отношений. Поиск рынков сбыта подталкивал русских предпринимателей, промышленников и банкиров обратить взгляд на славянские земли. В свою очередь зарождающаяся буржуазия славянских стран, традиционно проигрывавшая конкуренции немецким производителям, пыталась занять свое место в новых экономических реалиях, и была заинтересована в развитии торговых отношений с Россией. Именно интересы крупного капитала, искавшего новые рынки в славянских странах, в дальнейшем повлиял на переориентацию идеологии панславизма с культурного и политического сотрудничества на экономическую кооперацию. По сути, в начале XX в. панславизм приобрел свою новую форму и его условно можно обозначить как «культурно-экономический панславизм»¹⁴.

В отечественной литературе данный этап развития идеи славянского единства зачастую обозначают термином «неославизм». Мы не будем подробно останавливаться на дискуссиях вокруг дихотомии «панславизм-неославизм» в отечественной науке, так как ранее уже не раз обращались к этой теме¹⁵. Подчеркнем лишь, что к началу XX

¹⁴ В. А. Болдин, *Панславистские политические концепции*, 120–127.

¹⁵ В. А. Болдин, *Панславистские политические концепции*, 61. Так же см.: З. С. Ненашева, *Идейно-политическая борьба в Чехии и Словакии в начале XX в.* (Москва:

в. и сторонники консервативной трактовки славянской идеи (напр., А. А. Башмков, В. Н. Кораблев и др.) и идеологи «нового славянского мировоззрения» (И. В. Каменский, Г. А. Ильинский, А. Л. Погодин и др.) сходились на том, что необходима ревизия славянской идеи в новых исторических условиях¹⁶. Как отмечает К. Боекх, «в конце XIX в. русский панславизм действительно трансформировался под влиянием процессов модернизации и индустриализации, охвативших Российскую империю. Обновленный «неопанславизм» (Neo-Pan-Slavism) или «неославизм» (Neo-Slavism) более не настаивал на доминирующей роли России в славянском мире, переместив акцент на противодействие немецкой гегемонии и возрастанию пангерманизма»¹⁷.

Важной вехой в институционализации «нового славянского мировоззрения» стало появление в Вене журнала «Славянский век», издававшегося с 1900 по 1904 гг. под редакцией активного деятеля славянского движения Д. Н. Вергуна (1871–1951)¹⁸. Сама редакция определяла свои цели так: «1. Дать русскому и славянскому читателю полное, ясное и правдивое представление о культурной жизни всего славянства. 2. Идти навстречу желанию юго-западных славян ознакомиться с русской речью настолько, чтобы русский язык мог сделаться со временем общим языком для культурных сношений славян между собой. 3. Дать австро-венгерским, русским и балканским производителям и торговцам возможность войти в непосредственные сношения»¹⁹. На тот мо-

Наука, 1984): 67; А. А. Григорьева, *Панславизм: идеология и политика (40–е годы XIX – начало XX века)* (Иркутск: Аспринт, 2013), 45. При этом важно подчеркнуть, что в начале XX в. сами участники славянского движения в своих работах часто не делают четкой методологической разницы между терминами «панславизм», «неославизм», «неославянофильство», «славянская взаимность», «всеславянство» и т.п.

- 16 Е. Г. Кострикова, *Геополитические интересы России и славянский вопрос: Идеальная борьба в российском обществе в начале XX века* (Москва: Кучково поле, 2017): 71–93; Я. В. Вишняков, «“Подальше от нашего порога”. Съезд славянских журналистов в Белграде 1911 года», *Родина*, no. 8 (2011): 137.
- 17 KATRIN ВОЕСКН, “The Rebirth of Pan-Slavism in the Russian Empire, 1912–13”, in *The Balkan Wars from Contemporary Perception to Historic Memory* (Palgrave: Basingstoke, 2016), 108–109.
- 18 Биография Д. Н. Вергуна, уроженца уездного центра Городок близ Львова, наполненная многочисленными перипетиями и даже «шпионским» флером, заслуживает отдельного внимания. А. А. Чемакин, *Истоки русской национал-демократии: 1896–1914 годы* (Санкт-Петербург: Владимир Даль, 2018): 137–185; Р. Я. Луцки, «Дмитрий Николаевич Вергун» в *Временник: Научно-литературные записки Львовского Ставропигиона* (Львов, 1938), 76–80; А. И. Миллер, *Империя Романовых и национализм. Эссе по методологии исторического исследования* (Москва: Новое литературное обозрение, 2008), 175.
- 19 См.: *Славянский век*, no. 7–8 (1900).

мент журнал «Славянский век» становится чуть ли не единственной независимой площадкой для обсуждения общественно-политических вопросов в славянских землях, ведь в России до 1905 г. издание подобного журнала было попросту невозможно из-за действий цензуры. Издание просуществовало до конца 1904 г., но вынуждено было прекратить свою работу по ряду причин, в первую очередь, из-за проблем с австрийскими и российскими властями²⁰.

Во многом идеи, высказанные на страницах журнала «Славянский век», определили вектор, в рамках которого стал развиваться панславизм в начале XX в.²¹ И одним из главных идеологов нового наполнения славянской идеи стал русский историк-славист А. Л. Погодин, об идеях которого и пойдет речь ниже.

А. Л. ПОГОДИН КАК УЧЕНЫЙ-СЛАВИСТ

Одним из активных участников славянского движения в начале XX в. становится историк-славист Александр Львович Погодин (1872–1947). Как характеризует исследователь его творчества Л. П. Лаптева: «Это был универсальный специалист в области изучения славянства. Он занимался всеми областями славяноведения, но главные его труды были посвящены истории западных и южных славян»²².

Погодин родился в 1872 г. в г. Витебске в дворянской семье. После окончания гимназии в Санкт-Петербурге, там же поступил в Императорский университет на историко-филологический факультет. В Университете Погодин обучается под руководством выдающихся российских историков, в т.ч. его учителем становится «патриарх» отечественного славяноведения В. И. Ламанский.

В 1901 г. Погодин получает степень магистра славянской филологии и получает назначение на должность экстраординарного профессора Варшавского университета по кафедре славянской филологии. В 1904 г. Погодин защитил диссертацию «Следы корней основ в славянских

20 Д. Н. ВЕРГУН, «От редактора-издателя», *Славянский век*, no. 92 (1904): 561–562; К. Б. Егорова, «Письма Д. Н. Вергуна к П. А. Кулаковскому», *Библиотека журнала «Русин»*, no. 1 (2017): 155–159.

21 См. например: GIOVANNI SAVINO, *Il nazionalismo russo, 1900–1914: identità, politica, società* (Napoli: FedOAPress, 2022); З. С. НЕНАШЕВА, «Под лозунгом равенства. Расцвет и увядание неославизма», *Родина*, no. 1 (2001): 131–133. и др.

22 Л. П. ЛАПТЕВА, «А. Л. Погодин как исследователь новой истории западных и южных славян», *Новая и новейшая история*, no. 1 (2015): 166.

языках» и получил степень доктора славянской словесности, а в 1906 г. его назначили ординарным профессором по кафедре славянской филологии Императорского Варшавского Университета²³. В Варшавском университете Погодин проработал вплоть до 1908 г., после чего он переехал в Петербург, где работал в частных средних и высших учебных заведениях. В 1909 г. Погодин получает место профессора в Харьковском университете, где он прослужил следующие 10 лет своей жизни.

Из-за неприятия произошедшей в стране революции, в 1919 г. Погодин был вынужден эмигрировать. Он обосновался в Белграде, став преподавателем русского языка в Белградском университете. Как пишет уже упомянутая Л. П. Лаптева: «Жизнь А. Л. Погодина в эмиграции была полна материальных лишений и нравственных унижений»²⁴. Только в 1939 г. А. Л. Погодин был избран ординарным профессором Белградского университета. Однако вскоре начавшаяся Вторая мировая война, и последующая за этим оккупация королевства Югославии, лишила его возможности полноценно заниматься научной деятельностью. Погодин был отправлен в отставку. Последние годы жизни прошли для Погодина не только в тяжелой материальной (по сути, ученый бедствовал и вынужден был продавать книги из своей домашней библиотеки), но и психологической обстановке (старший сын ученого был расстрелян за сотрудничество с освободительным движением в Югославии, а младший – офицер Народно-освободительной армии страны – был тяжело ранен в 1944 г.). Как резюмирует Л. П. Лаптева: «Ученый-энциклопедист, обогативший славяноведение целым рядом важнейших оригинальных произведений, которыми может гордиться не только русская наука, доживал свой век в нищете и умер в 1947 г. На родине же он в течение ряда десятилетий XX в. был практически забыт»²⁵.

23 Л. П. ЛАПТЕВА, А. Л. ПОГОДИН как исследователь новой истории западных и южных славян, 167.

24 Л. П. ЛАПТЕВА, А. Л. ПОГОДИН как исследователь новой истории западных и южных славян, 185.

25 Л. П. ЛАПТЕВА, А. Л. ПОГОДИН как исследователь новой истории западных и южных славян, 185.

ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О ЕДИНСТВЕ СЛАВЯНСКОГО МИРА

А. Л. ПОГОДИНА

В начале XX в. Погодин активно принимает участие в общественно-политической жизни. Он является одним из частых авторов журналов «Московский еженедельник», «Вестник Европы» и «Новое звено», газеты «Слово», являлся членом Московского общества славянской культуры, в качестве делегата принимал участие в славянском съезде в Софии (1910) и т.д.

Свои основные мысли о славянской идее в начале века он изложил в журнальной статье «Причины и цели новейшего славянского движения»²⁶ и энциклопедической статье «Панславизм»²⁷, подготовленной для Энциклопедического словаря русского библиографического института Гранат.

Погодин дает следующее определение панславизма: «теория всеславянского единения в той или другой области, культурной или политической, допускающая, как частичное достижение цели, объединение отдельных славянских народов, но стремящаяся, как к своему конечному идеалу, к политическому соединению всех славян. При этом предполагается или слияние “славянских ручьев” в каком-нибудь море (особенно русском), или образование какого-нибудь славянского союза, федерации. В зависимости от эпохи и народа, который выставляли идеалы панславизма, он принимал определенные своеобразные оттенки, бывал более или менее всеобъемлющим, носил различные названия»²⁸. При этом Погодин отмечает, что современный ему панславизм постепенно выходит из области чисто теоретической, обретая политические контуры, свидетельствами чему является создание «славянской унии» в Венском рейхсрате (1908), «Балканский союз» (1912–1913) и настроения в России в начале Первой мировой войны.

В своей энциклопедической статье Погодин приводит экскурс в историю славянской идеи, показывая на конкретных примерах какие формы (от консервативных до либеральных, от имперских до федералистских) принимала идея панславизма в разные эпохи у интеллектуалов

26 А. Л. Погодин, «Причины и цели новейшего славянского движения», *Вестник Европы*, по. 1 (1909): 249–265.

27 А. Л. Погодин, «Панславизм» в *Энциклопедический словарь русского библиографического института Гранат*. Т. 31: Павинский – Персия (Москва: Т-во «Бр. А. и И. Гранат и К^о», 1910–1948), 109–119.

28 А. Л. Погодин, *Панславизм*, 109.

лов славянских стран. Однако исторические события начала XX в. снова выдвинули на первый план вопрос общеславянского объединения. Погодин пишет: «Борьба славянских народов с немцами в Австрии, Македонский вопрос, русско-польские враждебные отношения, ослаблявшие и поляков и русских, – все это требовало своей ликвидации, и важнейшим средством для этого являлась политическая солидарность всех славянских народов под условием их полной культурной равноправности. Панславизм принимал в “неославизме”, созданном в 1908 году на Славянском съезде в Праге, политический характер»²⁹.

Тезис о «политическом» наполнении современного славянского движения и отказ от «мистицизма старой славянофильской школы» является вполне типичным для сторонников «нового славянского мировоззрения». Например, один из активных деятелей славянского движения в этот период И. В. Каменский так определяет современный панславизм: «идея самобытности и равноправного общения соплеменных славянских народов для улучшения своей культурной и политической жизни». Именно поэтому, как кажется Каменскому, всякая тенденциозность и нетерпимость должна быть чужда истинным панславистам³⁰.

В статье «Причины и цели новейшего славянского движения» Погодин и вовсе замечает, что только принципиально новое славянское движение способно привести основы «гуманности и истинной государственности» будущей России, уберечь ее от соблазна национализма с лозунгом «Россия для русских»³¹. Таким славянским движением Погодин и называет «неославизм», в котором хоть и есть кое-что от первичного славянофильства, но в то же время в нем много и новизны.

Во-первых, Погодин убежден, что неославизм — это чисто политическое явление. «Славянофильство Шафарика и Суравицкого, Хомякова и К. Аксакова, — пишет Погодин, — обнимало все славянство, как и наш неославизм, но представляло собой лишь историческое мировоззрение»³². Теоретики прошлого противопоставляли славянские начала, с их стремлением к «общине, миру, ласковому гостеприимству», началам германским, с их «страстью к индивидуальному строю, войне и захватам». «Неославизм, — пишет Погодин, — подобными историческими конструкциями не интересуется... Факт тот, что словинцы и

29 А. Л. Погодин, Панславизм, 117–118.

30 И. В. Каменский, «Славянская идея и клерикализм», *Славянский век*, no. 24 (1901): 9.

31 А. Л. Погодин, Причины и цели новейшего славянского движения, 249–251.

32 А. Л. Погодин, Причины и цели новейшего славянского движения, 251.

поляки, чехи и сербы *сознают* себя славянами, и на основании только этого *сознания*, а не каких либо других объективных признаков, говорят о своей принадлежности к “славянской семье”... никакого паспорта с обозначением “особых примет” неославизм не выдает, а довольствуется лишь тем, что славянский мир, как *политическое целое*, испытывает потребность объединиться в борьбе с другими политическими целыми...»³³. По сути, главным катализатором появления «неославизма» Погодин, наряду с другими авторами, называет угрозу пангерманизма³⁴.

«Не шовинизм, а здоровый национализм, на знамени которого будет написано: “Равноправие всем народом России, объединение всех славян для культурной борьбы с германизмом!” — вот что должно лежать в основе нашего общественного сознания. Такова программа нового славянского движения, неославизма, который возник на почве не философских умозрений, но вполне реальной опасности, грозящей всему славянству»³⁵ — резюмирует Погодин. Как точно отмечает Е. Г. Кострикова, для Погодина термин «неославизм» является вполне оправданным, так как, сохраняя родственные черты со славянофильством, новое славянское движение, в отличие от своих предшественников, приобретает и политический характер³⁶.

Во-вторых, современное славянское движение, в отличие от «прежнего славянофильства, возникшего в эпоху когда златоглавая Москва гордилась перед Варшавой и перед всем славянством, когда ждали, что все славянские ручьи сольются в русском море», должно быть основано на принципах подлинного «равенства и братства» для всех славянских народов: «Неославизм демократичен: он не делит народы на избранные... все славянские народы должны найти себе место за трапезой, и в их внутренние раздоры неославизм не должен вмешиваться»³⁷. При этом Погодин замечает, что «польский вопрос» является одним из главных камней преткновения для современного славянского движения и от его решения зависит дальнейших успех политической и культурной интеграции славянского мира. Интересно, что в своей другой статье, «Пан-американские и всеславянские съезды» Погодин,

33 А. Л. Погодин, Причины и цели новейшего славянского движения, 252.

34 См. например: Д. Н. ВЕРГУН, *Немецкий «Drang nach Osten» в цифрах и фактах. С картой немецких захватов на славянской земле* (Вена: тип. Крац, Гельф и К°, 1905) и др.

35 А. Л. Погодин, Причины и цели новейшего славянского движения, 261.

36 Е. Г. Кострикова, *Геополитические интересы России и славянский вопрос*, 89.

37 А. Л. Погодин, Причины и цели новейшего славянского движения, 262.

в качестве позитивного примера решения спорных вопросов, ссылаясь на успешный, по его мнению, опыт проведения Панамериканских съездов³⁸.

В заключении Погодин заявляет, что задача неославизма — «защитить славянство от поглощения враждебным миром, заставить уважать в нем равноправного члена европейской семьи и этим содействовать большему объединению ее»³⁹.

Несмотря на определенные успехи неославянского движения, политические противоречия между славянскими народами (отделение Холмщины от Царства Польского, Македонский вопрос, разразившиеся Балканские войны между бывшими союзниками) заметно пошатнули уверенность идеологов неославизма. Однако разразившаяся Первая мировая война была воспринята многими, в том числе и Погодиным, как подтверждение его слов о неизбежном столкновении славянства и германизма⁴⁰. Погодин пишет: «Война России с Австрией в 1914 году написала на своем знамени освобождение всех славянских народов. Это первое крупное реальное выражение политического панславизма»⁴¹. Однако этим прогнозам так и не суждено было сбыться.

НЕКОТОРЫЕ ИТОГИ

К началу XX в. идея объединения «славянского мира» вновь занимает умы интеллектуалов и политиков. В новых реалиях панславизм приобретает и новое наполнение — культурно-экономическое. Вследствие этого «старое славянофильство» с его идеями о мессианской роли России и универсальности русского языка⁴² находит все меньший отклик в сердцах западных и южных славян. Кроме того, происходит и изменение социального состава «славянского движения», которое все

38 А. Л. Погодин, «Панамериканские и всеславянские съезды», *Вестник Европы*, no. 6 (1911): 314–320.

39 А. Л. Погодин, Причины и цели новейшего славянского движения, 265.

40 Причем подобные идеи были характерны и для немецкой политической публицистики. См.: К. Н. Цимбаев, «Славянский вопрос в немецкой политической мысли начала XX века геополитическая картина мира германской публицистики», *Studia slavica et balcanica petropolitana*, no. 1 (2015): 42–63.

41 А. Л. Погодин, Панславизм, 119.

42 Даже известны проекты, предлагавшие французский язык в качестве языка будущей всеславянской федерации. См.: И. В. Каменский, «Тезисы панславизма», *Славянский век*, no. 59 (1903): 323–324.

больше привлекает «прагматиков» из числа славянской буржуазии, переставая быть идеологией «романтиков», ученых-славистов, как это было ранее. К ряду других отличительных черт идеологов «нового славянского мировоззрения» можно отнести отказ от признания профессионального фактора как главного в деле объединения славян; пересмотр ведущей роли России в процессе интеграции славянских земель; отказ от славянофильской идеи противопоставления «Востока» и «Запада», «России» и «Европы»; особое внимание к культурной и экономической интеграции как будущей основе для объединения славян на равноправных федеративных началах (культурно-экономический панславизм); готовность идти на политические компромиссы для решения славянских проблем⁴³.

Однако, можно констатировать, что западные и южные славяне, хоть по-прежнему и надеялись на Россию как на возможного союзника, тем не менее не удовлетворялись ее осторожными шагами во внешней политике, а особенно нежеланием активнее продвигать свои экономические интересы в регионе, что было обусловлено неготовностью портить отношения с Австро-Венгрией и Германией. Кроме того, старые славянофильские схемы казались молодому поколению панславистов иллюзорными, оторванными от реальной политической конъюнктуры и, как следствие, исчерпавшими себя⁴⁴.

Попытка реализации вышеуказанных идей и институализации славянского движения была предпринята в ходе проведения Предварительного съезда русских филологов (Санкт-Петербург, 1903), двух Всеславянских съездов (Прага, 1908; София, 1910), Съезда славянских журналистов (Любляна, 1908), в создании Общества славянской взаимности (Петербург, 1909), Союза славянских врачей (Прага, 1908), Общества славянского научного единения (Петербург, 1912) и др. Более того, в ходе многочисленных встреч и совещаний представителей общественно-политических, научных и промышленных кругов⁴⁵ славянских стран (В. Клофача, К. Крамаржа, И. Хрибара, С. Радича, членов

43 В. А. Болдин, *Панславистские политические концепции*, 176.

44 Показательна дискуссия, развернувшаяся на страницах журнала «Славянский век» между академиками В. И. Ламанским и Л. Стояновичем. См.: В. А. Болдин, «Языки не изучаются по симпатиям или антипатиям, а по требованиям практической надобности: о споре академиков Ламанского и Стояновича о роли русского языка в деле объединения славян в начале XX в.», *Русин*, Т. 54. по. 4 (2018): 318–334.

45 Например, подобные идеи станут одним из элементов идеологии партии «Союз 17 октября» и «Прогрессивной партии» в Государственной Думе – ВБ.

Государственной Думы Российской империи Н. М. Хомякова, В. А. Махлакова и др.) не раз поднимались вопросы о проведении славянских промышленных и торговых выставок, обсуждались устав Славянского банка, вопросы развития славянского туризма. Некоторые из этих предложений были успешно реализованы. Однако из-за раскола в рядах панславистов, а также вследствие геополитических потрясений эпохи «славянская идея» так и не нашла своего полного воплощения.

Разумеется, в одном исследовании невозможно охватить все аспекты сложной и многогранной темы эволюции панславизма. Тем не менее, как представляется, удалось показать общий вектор интеллектуальных поисков его идеологии в начале XX в. А фигура отечественного историка Александра Львовича Погодина стала одной из ключевых в кругу вдохновителей этих интеллектуальных поисков.

References

- KATRIN BOECKH, "The Rebirth of Pan-Slavism in the Russian Empire, 1912–13", in *The Balkan Wars from Contemporary Perception to Historic Memory* ed. KATRIN BOECKH, SABINE RUTAR (Palgrave: Basingstoke, 2016), 105–137. https://doi.org/10.1007/978-3-319-44642-4_5
- V. A. BOLDIN, «Iazyki ne izuchaiutsia po simpatiiam ili antipatiiam, a po trebovaniiam prakticheskoi nadobnosti: o spore akademikov Lamanskogo i Stoianovicha o roli russkogo iazyka v dele ob"edineniia slavian v nachale XX v.» ["Languages Are Not Studied by means of sympathies or Antipathies, but Only by adhering to Practical Suitability": The Dispute between Academics Lamansky and Stoyanovich about the Role of the Russian Language in the Integration of the Slavs in the Early 20th Century], *Rusin*, no. 4 (2018): 318–334. <https://doi.org/10.17223/18572685/54/19>
- V. A. BOLDIN, *Panslavistskie politicheskie kontseptsii: genesis i evoluzsiia* [Pan-Slavic Political Concepts: Genesis and Evolution] (Moscow: Aquilo, 2018).
- V. A. BOLDIN, A. B. СТРАКНОВ, "Natsional'noe vs obshcheslavianskoe v russkikh istochnikakh XVII veka" [The National versus the All-Slavic in the Russian Sources of the 17th Century], *Dialog so vremenem*, no. 71 (2020): 182–191.
- A. A. СЕМАКИН, *Istoki russkoi natsional-demokratii: 1896–1914 gody* [The Origins of Russian National Democracy: 1896–1914] (Sankt-Peterburg: Vladimir Dal', 2018).
- JOACHIM DIEC, "Russian Pan-Slavism and its Concept of Europe", in *L'Europa dei nazionalisti: prospettive storiche* ed. FRANCESCO BERTI, FILIPPO FOCARDI, VALENTINE LOMELLINI (Milano: FrancoAngeli, 2020), 113–124.
- K. B. EGOROVA, «Pis'ma D. N. Verguna k P. A. Kulakovskomu» [D. N. Vergun's Letters to P. A. Kulakovsky], *Biblioteka zhurnala «Rusin»*, no. 1 (2017): 155–159. <https://doi.org/10.17223/23451734/6/9>
- A. I. Filyushkin, «Mobilizatsiia Srednevekov'ia» kak instrument formirovaniia predstavlenii o slavianskom edinstve" ["Mobilization of the Middle Ages" as a Tool for

Shaping Ideas about Slavic Unity], *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*, no. 2 (2017): 22–39.

A. L. GOLDBERG, “«Ideia slavianskogo edinstva» v sochineniiakh Iurii Krizhanicha” [“The Idea of Slavic Unity” in the Writings of Yuri Krizhanich] v *Trudy Otdela drevnerusskoi literatury*, T. XIX (Moskva–Leningrad: Izd-vo AN SSSR, 1963), 373–390.

A. A. GRIGOR'EVA, *Panslavizm: Ideologiya i politika (40-e gody XIX – nachalo XX veka)* [Pan-Slavism: Ideology and Politics (1840s – Early 20th Century)] (Irkutsk: Asprint, 2013).

S. A. IVANOV, “«V teni Iustinianovykh krepostei»? F. Kurta i paradoksy ranneslavianskoi etnichnosti” [“In the Shadow of Justinian’s Fortresses”? F. Curta and the Paradoxes of Early Slavic Ethnicity], *Studia slavica et balcanica petropolitana*, no. 2 (2008): 5–12.

I. V. KAMENSKII, «Slavianskaia ideia i klerikalizm» [The Slavic Idea and Clericalism], *Slavianskij vek*, no. 24 (1901): 4–9.

I. V. KAMENSKII, «Tezisy panslavizma» [Theses of Pan-Slavism], *Slavianskii vek*, no. 59 (1903): 322–325.

L. F. KATSIS, M. I. ODESSKII, “*Slavianskaya vzaimnost'.* Model' i topika” [“Slavic Reciprocity”: A Model and Topics] (Moskva: REGNUM, 2011).

E. G. KOSTRIKOVA, *Geopoliticheskie interesy Rossii i slavianskii vopros: Ideinaia bor'ba v rossiiskom obshchestve v nachale XX veka* [Russia’s Geopolitical Interests and the Slavic Question: Ideological Struggle in Russian Society at the Beginning of the 20th Century] (Moskva: Kuchkovo pole, 2017).

L. P. LAPTEVA, «A. L. Pogodin kak issledovatel' novoi istorii zapadnykh i iuzhnykh slavian» [A. L. Pogodin as a Researcher of the Modern History of the Western and Southern Slavs], *Novaia i noveishaia istoriia*, no. 1 (2015): 166–185.

M. V. LESKINEN, “Slavianskoe edinstvo: ot lingvo-kul'turnoi klassifikatsii k politicheskoi mifologizatsii” [Slavic Unity: From Linguistic and Cultural Classification to Political Mythologization], *Slavianovedenie*, no. 6 (2013): 52–61.

R. IA. LUTSIK, “Dmitrii Nikolaevich Vergun” [Dmitry Nikolaevich Vergun], v *Vremennik: Nauchno-literaturnye zapiski L'vovskogo Stavropigiona* (Lviv, 1938), 76–80.

M. A. MASLIN, «Nikolai Danilevskii: mezhdru slavianofil'stvom i panslavizmom» [Nikolay Danilevsky: Between Slavophilism and Pan-Slavism], *Filosofskii zhurnal*, no. 4 (2023): 5–18. <https://doi.org/10.21146/2072-0726-2023-16-4-5-18>

ALEXANDER MAXWELL, *Choosing Slovakia: Slavic Hungary, the Czechoslovak Language and Accidental Nationalism* (London: I. B. Tauris, 2009). <https://doi.org/10.5040/9780755621873>

ALEXANDER MAXWELL, “Glottonyms, Anachronism and Ambiguity in Scholarly Depictions of Juraj Krizanić / Iurii Krizhanich”, *Slavonic and East European Review* 98, no. 2 (2020): 201–234. <https://doi.org/10.5699/slaveasteurorev2.98.2.0201>

ALEXANDER MAXWELL (ed.), *Pan-Nationalism as a Category in Theory and Practice* (Routledge, 2023). <https://doi.org/10.4324/9781003389705>

A. I. MILLER, *Imperiia Romanovykh i natsionalizm. Esse po metodologii istoricheskogo issledovaniia* [The Romanov Empire and Nationalism: Essays on the Methodology of Historical Research] (Moskva: Novoe literaturnoe obozrenie, 2008).

Z. S. NENASHEVA, *Ideino-politicheskaia bor'ba v Chekhii i Slovakii v nachale XX v.* [Ideological and Political Struggle in Czechia and Slovakia at the Beginning of the 20th Century] (Moskva: Nauka, 1984).

- Z. S. NENASHEVA, «Pod lozungom ravenstva. Rastsvet i uviadanie neoslavizma» [Under the Slogan of Equality. The Rise and Decline of Neo-Slavism], *Rodina*, no. 1 (2001): 131–133.
- O. B. PAVLENKO, «Panslavizm i ego modeli» [Pan-Slavism and its Models], *Novaia i noveishaia istoriia*, no. 5 (2016): 3–15.
- O. V. PAVLENKO, *Panslavizm: Real'nyi i voobrazhaemyi: 1830–1860-e gg.* [Pan-Slavism: Real and Imaginary: 1830s–1860s] (Moscow: RGGU, 2023).
- PREDRAG PIPPER, «Slovenstvo i savremeni svet» [Slavdom and the Modern World], v *Zbornik Matice srpske za slavistiku*, no. 100. (Novi-Sad: Matica srpska, 2021), 15–42.
- A. L. POGODIN, «Panslavizm» [Pan-Slavism], v *Entsiklopedicheskii slovar' russkogo bibliograficheskogo instituta Granat*. T. 31: Pavinskii–Persiia (Moskva: T-vo Br. A. i I. Granat i K°, 1910–1948), 109–119.
- A. L. POGODIN, «Prichiny i tseli novejshego slavianskogo dvizheniia» [The Causes and Goals of the Latest Slavic Movement], *Vestnik Evropy*, no. 1 (1909): 249–265.
- A. L. POGODIN, «Panamerikanske i vseslavianskie s"ezdy» [Pan-American and All-Slavic Congresses], *Vestnik Evropy*, no. 6 (1911): 314–320.
- B. A. PROKUDIN, *Panslavizm v istorii politiki i mysli Rossii XIX veka* [Pan-Slavism in the History of Politics and Thought of Russia in the 19th Century] (Moskva: Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta, 2018).
- A. N. PYPIN, *Panslavizm v proshlom i nastoiashchem* [Pan-Slavism in the Past and Present] (Sankt-Peterburg: Knigoizdatel'stvo "Kolos", 1913).
- GIOVANNI SAVINO, *Il nazionalismo russo, 1900–1914: identità, politica, società* [Russian Nationalism, 1900–1914: Identity, Politics, Society] (Napoli: FedOAPress, 2022).
- A. A. SHIRINIANTS, *Russkii khranitel': Politicheskii konservatizm M. P. Pogodina* [A Russian Guardian: M.P. Pogodin's Political Conservatism] (Moscow: Russkij Mir", 2008).
- A. A. SHIRINIANTS, A. V. MYRIKOVA, *Vvedenie k issledovaniuu istorii i ideologii panslavizma XIX veka* [An Introduction to the Study of the History and Ideology of Pan-Slavism in the 19th Century] (Moskva: Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta, 2010).
- Slavianskii vek* [Slavic Age], no. 7–8 (1900).
- LOUIS LEO SNYDER, *Encyclopedia of Nationalism* (New York: St. James Press, 1990).
- LOUIS LEO SNYDER, *Macro-Nationalisms: A History of the Pan-Movements* (London: Greenwood Press, 1984).
- MIKHAIL SUSLOV, MAREK ČEJKA, VLADIMIR ĐORĐEVIĆ (eds.), *Pan-Slavism and Slavophilia in Contemporary Central and Eastern Europe: Origins, Manifestations and Functions* (Palgrave Macmillan, 2023). <https://doi.org/10.1007/978-3-031-17875-7>
- A. A. TESLIA, «Russkii panslavizm: ot kul'turnogo k politicheskomu i obratno» [Russian Pan-Slavism: From Cultural to Political and Back], *Filosofia. Zhurnal Vyshei shkoly ekonomiki*, no. 2 (2018): 177–185. <https://doi.org/10.17323/2587-8719-2018-II-2-177-185>
- K. N. TSIMBAEV, «Slavianskii vopros v nemetskoj politicheskoi mysli nachala XX veka geopoliticheskaia kartina mira germanskoj publitsistiki» [The Slavic Question in German Political Thought at the Beginning of the 20th Century: The Geopolitical Picture of the World in German Journalism], *Studia slavica et balcanica petropolitana*, no. 1 (2015): 42–63.
- ANDZHEI VALITSKII, *V krugu konservativnoi utopii. Struktura i metamorfozy russkogo slavianofil'stva* [In the Circle of Conservative Utopia: The Structure and Metamorphoses of Russian Slavophilism] (Moskva: Novoe literaturnoe obozrenie, 2019).

D. N. VERGUN, *Nemetskii "Drang nach Osten" v tsifrah i faktakh. S kartoiu nemetskikh zakhvatov na slavianskoi zemle* [German "Drang nach Osten" in Figures and Facts: With a Map of German Conquests on Slavic Land] (Vienna: Tip. Krac, Gel'f i K°, 1905).

D. N. VERGUN, «Ot redaktora-izdatelia» [From the Editor-Publisher], *Slavianskii vek*, no. 92 (1904): 561–562.

IA. V. VISHNIAKOV, ««Podal'she ot nashego poroga». S"ezd slavianskikh zhurnalistov v Belgrade 1911 goda" ["Further Away from Our Doorstep": The Congress of Slavic Journalists in Belgrade in 1911], *Rodina*, no. 8 (2011): 137–138.